

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Адамс Ч. Влияние налогов на становление цивилизации / пер. с англ. М.; Челябинск: Социум: Мысль, 2018. 639 с.

Книга Чарльза Адамса — перевод второго американского издания увлекательной книги Charles Adams с названием «For Good and Evil. The Impact of Taxes on the Course of Civilization». Жаль, что оригинальное название, которое представлено на контртитule описываемой книги, урезано при переводе, ибо первое из предложений оригинального названия («На благо и во зло») замечательно точно и вместе с тем образно дополняет и конкретизирует характеристику сути книги, данную во втором из предложений («Влияние налогов на становление цивилизации»). Об этом слова автора во введении книги: «Все, что я попытался сделать, — это наделить налогообложение статусом, которого оно заслуживает как важный фактор, формирующий и направляющий цивилизацию, и как сила, способная действовать на благо и во зло» (с. 20).

Книга уникальна по ряду характеристик, настолько уникальна, что в ближайшие одно-два десятилетия будет, пожалуй, неприличным публиковать без упоминания книги Ч. Адамса сколь-нибудь объемистый (не говоря уж «фундаментальный» или «капитальный») труд по истории или теории налогообложения, истории или теории налоговой политики, налогового администрирования и, возможно, по цивилизационной проблематике в ее многообразных аспектах.

Во-первых, книга уникальна грандиозностью развернутой в объеме 52 условных печатных листов историко-налоговой панорамы, начинающейся с первых цивилизаций — шумерской, египетской, китайской, и заканчивающейся в конце XX в., в основном в Соединенных Штатах Америки, причем описание (оно преобладает) и анализ (его сравнительно немного) панорамы тесно увязаны с острыми современными вопросами налоговой политики и подаются с целью предостеречь от ошибок тех, кто этой политикой занимается. Ибо, по мнению автора, «история налогов в древние времена имеет немало примечательных параллелей в нашем мире. За 6 тыс. лет сборщики налогов и налогоплательщики не сильно изменились» (с. 27).

Наполненность предупреждениями и предостережениями налоговых политиков (законодателей и правителей) от опрометчивых решений в области налогообложения, кажущихся направленными «на благо», но побочными эффектами приводящими «во зло», — вторая уникальная особенность книги Ч. Адамса (по крайней мере, на русском языке аналогичных книг нет). По сути, вся книга — сплошное предупреждение и предостережение, причем такое, что если по аналогии с «Улиссом» ирландца Джеймса Джойса характеризовать книгу Ч. Адамса цветом, то придется выбрать нечто вроде «мрачного» (черный не подойдет), а если связывать с живописью, то, конечно, с картиной «Крик» норвежца Эдварда Мунка (с учетом того, что ее первое название — «Отчаяние»).

Признавая, что «налоги — это топливо, на котором работает двигатель цивилизации» (с. 26), Ч. Адамс вместе с тем предостерегает: «Если мы всмотримся в наши древние корни, у нас не останется иллюзий по поводу налогообложения и его потенциальной опасности для той самой цивилизации, которую оно, по идее, должно поддерживать. Когда мы вводим налоги, мы играем с огнем и если не проявим осмотрительности и внимания, легко можем спалить все, что выстроили,

и обратить в дым наши надежды на лучший мир. С другой стороны, при надлежащем контроле налоги позволяли создавать великие государства и приносили много благ их жителям» (с. 27). И: «Если мы хотим сохранить и передать нашим детям свободу, унаследованную от предков и составляющую предмет нашей гордости, во всех ее формах, мы должны сосредоточить внимание на нашей налоговой системе и приведенных нами в движение разрушительных силах — гораздо более опасных, чем любая внешняя агрессия» (с. 22).

Третья особенность книги — жестко-критический подход к налоговым политикам и налоговым системам современности, в первую очередь и в основном в США. Впрочем, налогоплательщик из любой другой страны легко обнаружит у себя немало тех недостатков, на которые в своей стране указывает и которые яростно (другой эпитет не подойдет) ругает американец.

Один, не требующий комментариев, пример. Ч. Адамс пишет: «Налоговое ведомство Америки пошло по пути все большего усложнения налогового кодекса отчасти для сдерживания налоговой оптимизации, но налоговые консультанты обратили эту сложность против налоговых властей. Эта игра продолжалась до тех пор, пока мы не получили налоговое законодательства, до такой степени детализированное, что сегодня никто не способен стать специалистом по налоговому кодексу в целом, — подчас это превосходит человеческое разумение. Он становится все более и более непонятным, даже непостижимым. Одно можно сказать наверняка: острый ум не является сильной стороной правительственных налоговотворцев» (с. 540).

Еще одной, уникальной для книг на тему налогообложения, особенностью книги Ч. Адамса является ее блестящая стилистика. Хотелось бы сказать и «язык» тоже, но не знаем, в какой мере язык рецензируемой книги является заслугой ее автора, а не переводчика, ибо помним ехидное «московское» высказывание Гора Видала о Курте Воннегута, что последний «сильно выигрывает в переводе».

Сам автор характеризует стилистику книги и ее выбор им так: «Нанизывание жемчужин налоговой истории цивилизации оказалось увлекательнейшим занятием. Эта история, конечно, в высшей степени серьезна, но была у нее и светлая сторона. Поэтому в тексте книги много занимательных эпизодов, много иллюстраций и карикатур, которые должны сделать чтение приятным... Ход повествования прерывается ради комментариев и сравнений с современным налогообложением. Из налоговых битв наших предков можно извлечь немало поучительных уроков, и я провожу параллели, когда нахожу это важным. Древние историки в совершенстве владели умением делать экскурсии, отступающие от основной темы; поэтому их так увлекательно читать, даже если события кажутся слишком далекими от нашего времени. Отступления необходимы, если, как считали древние историки, история должна учить» (с. 17). Последнее Ч. Адамсу удалось: его налоговая история именно учит, она — урок, который прошлое дает настоящему, чтобы оно через принимаемые налоговые законы не впечатало в будущее ошибки прошлого.

Характерной особенностью книги являются ее сугубая конкретность и насыщенность интересными фактами из налоговой истории человечества. Фактологический язык книги оказывается своего рода метаязыком (в его постмодернистской трактовке, в том числе Роланом Бартом) для рефлексии человечества по поводу своей налоговой активности, для размышлений о последствиях последней, как об уроках человечеству.

При такой стилистике результат работы Ч. Адамса получился фундаментальным научным трудом, воспринимаемым одновременно и как увлекательное художественное (драматическое) произведение. Это не оксюморон. И указание

на жанр эссе здесь не годится, если, конечно, не применять его в том смысле, в каком его впервые применил Фрэнсис Бэкон, но в этом смысле его никто уже давно не применяет. Впрочем, обозначить Ч. Адамса как эссеиста (в смысле обозначения от образованного, но желчного Бена Джонсона), пожалуй, можно. Ведь вся человеческая, а не только налоговая история, напоминает увлекательное художественное произведение, споры ведутся лишь по вопросу о том, кто ее пишет; но относительно налоговой истории определенная (но не более) ясность в этом вопросе имеется.

Добавим к сказанному о стилистике книги, что, как это ни покажется странным, но еще одна особенность книги — ее можно начать читать с любой страницы и скучно или непонятно не будет (об обычных научных и художественных произведениях этого сказать, конечно, нельзя). Объяснить, как это получилось у автора, мы не можем: это остенсивная характеристика, с которой, думается, согласится большинство читавших, или хотя бы листавших книгу.

Естественно, что у такой книги обширная библиография, именной и предметный указатели, что превращает ее в своего рода большой цитатник из числа, столь любимых постмодернистами от науки и не только.

Книга, полиграфически и композиционно отлично выполненная, очень подходит и для изготовления слайдов к учебным занятиям, так как в ней детальная рубрикация, много «абзацев-фактов» готовых для перенесения в слайды, несколько схем, много иллюстраций (использованы, в том числе, старинные гравюры), забавных карикатур, слайды с которыми оживят учебный процесс, и о которых Ч. Адамс сказал: «Без этих ярких фрагментов визуальной истории многие наблюдения о прошлом стали бы тусклыми или вообще потерялись» (с. 18).

Перейдем к анализу содержания книги.

За авторским предисловием ко второму изданию книги следует введение, в первом абзаце которого изложена суть всей позиции автора: «Предположение, что налоги являются главной движущей силой истории, значительно более правдоподобно, чем многие объяснения исторического процесса, апеллирующие к другим факторам, среди которых встречаются, откровенно говоря, явные нелепости: суперрасизм, климат, божественное вмешательство, классовая борьба, жизненные циклы, великие герои и прочее в таком роде. Применительно к каким-то историческим эпизодам некоторые из подобных теорий бывают отчасти верными. Действительно, иногда появлялись великие и могущественные деятели, двигавшие цивилизацию вперед, но гораздо чаще такие герои не находятся, и мир ведут за собой негодяи, глупцы и посредственности. Вожди, подобные Моисею, — вообще явление редкое, и особенно редкое в те моменты, когда такие вожди больше всего нужны. А налоги вездесущи и порой сильно влияют на нашу жизнь — на благо или во зло. Процветание и упадок стран всегда были связаны с налоговым фактором, и это мы вновь и вновь увидим во время нашего путешествия по истории. Человеческие права страдали даже больше, чем страны: что налоговый инспектор желает, то он и получает, в том числе нашу свободу, если захочет» (с. 19).

А уже в следующем абзаце Ч. Адамс защищается, как нам кажется, от возможных упреков в «налоговом редуccionизме» истории цивилизации, оговаривая: «Хотя налоги подчас играли важнейшую роль в ходе развития цивилизации, я не собираюсь на этом основании утверждать, что налогообложение способно стать основой новой философии истории. Многие ученые люди, особенно в последние несколько столетий, заявляли, что обнаружили интригу, принцип или даже силу, которые направляют ход истории. Я решительно воздерживаюсь от такой претензии» (с. 19–21). Но думается, что даже столь ясно сформулированная оговорка

его не защитит, ибо всегда найдется тот, кто обвинит автора научного труда в редуционизме, даже если сам автор неоднократно повторит, что придерживается и в работе исходит из онтологического принципа холизма.

За введением следует предваряющий основное содержание книги шмуцтитул с текстом: «„Налоги — наша плата за цивилизованное общество“, — гласят слова Оливера Холмса на надписи, помещенной над входом в штаб-квартиру Налоговой службы в Вашингтоне. Однако от того, как мы получаем налоги и как их тратим, в огромной мере зависит, какие мы люди: преуспевающие или бедные, свободные или порабощенные, а самое главное — хорошие или плохие» (с. 23) и карикатурой на Службу внутренних доходов США на обороте шмуцтитула.

Часть I «Налоги: что они собой представляют и где берут начало» книги состоит из 7 глав. Рассказ автор начинает с шумерской цивилизации и приводит ее пословицу: «Над тобой может быть господин, над тобой может быть царь, но тот, кого тебе следует бояться, — это сборщик налогов» (с. 26), после чего замечает: «Очевидно, что с тех пор мало что изменилось. Мы по-прежнему боимся налогового инспектора» (с. 27). В части I автор рассматривает влияние на экономику и судьбы древних цивилизаций их налоговой политики и налогового администрирования, выбрав для этого Древний Египет, Израильское и Иудейское царства, Китай эпохи налоговых наставлений Конфуция и Мэн-Цзы и Древнюю Грецию.

Объясняя выбор налоговых документов для цивилизационных характеристик, Ч. Адамс пишет: «Значительная часть всех сохранившихся древних документов — это налоговые сведения того или иного рода... Налоговые данные обычно воспринимаются как досадная рутина; но может настать день, когда историки поймут, что в них зафиксирована истинная подоплека цивилизованной жизни. Как людей облагали налогами, кого облагали и что облагали — это сведения, которые сообщают нам об обществе больше, чем что-либо другое. Налоговые привычки характеризуют цивилизацию в такой же мере, в какой привычки сексуального поведения характеризуют личность. Это главные ключи к пониманию того, почему общество ведет себя именно так» (с. 44).

Часть II «Многоликие римляне» посвящена влиянию налоговой политики и налогового администрирования на расцвет и гибель Римской империи. В целом налоговой политике римлян автор дает характеристику, которая не непривычна для современного налогоплательщика: «В римской истории налоги занимали столь же важное место и вели себя столь же непредсказуемо, как легионы, сенат и цезари» (с. 108). И отмечает, распространяя характеристику римской налоговой политики на налоговую политику «всех времен и народов», что «на протяжении всей истории мы видим одно и то же: если налог тяжел для налогоплательщиков (каков, скажем, подоходный налог), но приносит хорошие доходы, он сохраняется. Финансовые интересы государства оказываются весомее любых конституционных, моральных и культурных идеалов» (с. 123). И еще одно наблюдение и обобщение из налоговой истории Римского мира (и не только его), сформулированное Ч. Адамсом в главе 11 «Новый порядок Диоклетиана» части II книги: «Читатель еще не раз убедится, что гражданские свободы подгоняются под налоговую систему; сама же налоговая система не подстраивается под гражданские свободы» (с. 151).

Впрочем, Ч. Адамс высокого мнения о налогово-административных способностях римлян, а об Октавиане Августе пишет: «Возможно, Август был самым блестящим налоговым стратегом всех времен» и сразу за этим отмечает: «У республиканских институтов Август отнял силу с помощью перенаправления денежного потока налоговых поступлений. Раньше этими деньгами ведал сенат; впредь ими будет распоряжаться „первый гражданин“» (с. 133).

Современный налогоплательщик с завистью прочтет об отношении Римского мира эпохи Августа к сборщикам налогов. Именуя последних налоговыми агентами, Ч. Адамс ставит это отношение в пример нашей эпохе, замечая: «В отличие от привычной нам практики в лучшие времена Рима интересы налогоплательщиков всегда принимались во внимание» (с. 139); «...Несомненно, что общественное мнение, император и население больше не желали терпеть злоупотребления налоговых агентов» (с. 139); «...За коррумпированными агентами следили специальные информаторы. Штраф за превышение налогообложения десятикратно превышал незаконно взысканную сумму, от которой 40% получал информатор. Жесткая борьба с злоупотреблениями велась ради спокойствия в провинциях и укрепления Римского мира. В отличие от современной практики удовлетворенность налогоплательщика ставилась выше получения налога» (с. 140). Последнее сегодня представляется и вовсе невозможным. Впрочем, и в Римском мире это вскоре оказалось тоже невозможным. И Ч. Адамс пишет: «В Кодексе Феодосия (438) [Феодосий II, император Восточной Римской империи в 408–450 гг. — *Е. М.*] приводится следующий указ Константина: „Если кто пожалуется в суде, что у него несправедливо вымогали платеж или что с ним плохо обращались, и если сможет это доказать, то в отношении указанного им сборщика налогов следует вынести суровый приговор“. Законы римских императоров, призванные искоренить злоупотребления при сборе налогов, производили сильное впечатление, но исправлять нужно было саму систему. В результате законы оказались настолько же суровыми по форме, насколько неэффективными по существу».

В части II книги, особенно в последней ее главе 12 «Падение Рима — следствие уклонения от налогов?», Ч. Адамс много внимания уделяет сопоставлению налоговых политик Римской империи I в. до н. э. и США конца XX в., используя это для критики последней. Например: «Засилье губительных налогов накануне падения Рима склоняло многих историков во все эпохи к предположению, что Рим, подобно многим великим империям, сам себя замучил налогами до смерти. Однако сегодня налоговая концепция падения Рима не пользуется популярностью среди исследователей, — вероятно, по причине нашей собственной терпимости к высоким налогам. Никому ведь не хочется думать, что мы, разрабатывая налоговое законодательство, сами себе пишем некролог. Гибель нашей цивилизации мы представляем исключительно по-голливудски, в виде вселенского катаклизма — атомной войны, экологической катастрофы или еще чего-нибудь в таком роде. Во всяком случае, причиной не может быть столь простая и рутинная вещь, как будничное налогообложение» (с. 163–164).

Однако в названии главы 12 все же поставлен вопросительный знак. Повидимому, автор до конца не был уверен, действительно ли гибель столь могучей империи обусловлена действием лишь одного фактора, одной причины, пусть даже столь существенной для любой экономики, как неверная (гибельная?) налоговая политика правителей империи. Такое представление невозможно на фоне трудов Э. Гиббона «История упадка и разрушения Римской империи», Т. Моммзена «История Рима», Г. Ферреро «Величие и падение Рима» и сонма других, менее известных.

Ч. Адамс главу 12 (и часть II) завершает все же словами: «В конечном счете самой важной причиной падения Рима, возможно, были психологические факторы. После низвержения последнего императора в 476 г. никто даже не пытался возродить Западную Римскую империю. Это было невозможно, поскольку население ни к чему подобному не стремилось. Патриотизм, самопожертвование и любовь к родине исчезли; их задушила налоговая система Диоклетиана».

Часть III книги посвящена Средним векам и разделена на 4 главы с завлекающими названиями: 13 «Ислам: для неверных — смерть или налоги»; 14 «Налогообложение в Средние века: когда Бог был на стороне налогоплательщиков»; 15 «Евреи: по дороге к окончательному решению»; 16 «Средневековая Англия: как англичане покупали свободу за налоги».

Начиная рассмотрение Средневековья с анализа влияния налоговой политики на исламскую цивилизацию, Ч. Адамс приводит (и, по сути, вводит в оборот для нас) немало любопытных фактов из налоговой жизни той эпохи. Жаль, что ограниченный объем нашей рецензии не позволяет привести хотя бы самые интересные из них. Ограничимся лишь тем, что Ч. Адамс называет «роковыми недостатками»: «Первым роковым недостатком структуры исламской империи была ее налоговая система. Отсутствие контроля за сбором налогов превратило халифа преимущественно в духовного вождя с незначительной светской властью... Второй роковой недостаток исламского мира состоял в коррупции, порожденной чрезмерным налоговым богатством. Недовольство налогами ширилось в империи по мере того, как алчные султаны требовали все больше и больше налогов... В налоговую систему был внедрен принцип равенства, — но не справедливого равенства для всех, а одинакового угнетения для всех. Подобное негативное равенство характерно для коммунистического мира в нашем столетии» (с. 181).

Переходя к Средневековью Западной Европы, Ч. Адамс с некоторой долей «зависти» пишет: «В Средние века Бог был на стороне налогоплательщиков. Сейчас, по идее, на нашей стороне Конституция, но, оглядываясь назад, я подозреваю, что в те времена позиции налогоплательщиков были предпочтительнее. Они располагали своего рода „божественной экономической теорией предложения“». Одна из религиозных доктрин средневекового мира гласила, что правитель, вводящий слишком тяжелые налоги, совершает грех и его постигнет кара небесная» (с. 184—185). Но мы заметим в противовес Ч. Адамсу, что имеется немало исследований экономики европейского Средневековья, из которых явствует, что обычно (как, впрочем, и сегодня) правители, принимая налоговые решения, не только не опасались «кары небесной», но и вовсе не считали грехом введение тяжелых налогов.

Подготавливая переход к главе 15, автор отмечает, что «средневековые правители стеснены ограниченным количеством налоговых поступлений и невозможностью введения новых налогов. Поиски новых источников показали: есть лишь один такой источник богатства, на стороне которого нет Бога и который, следовательно, не находится под защитой закона, — богатство евреев. Не имея божественного покровительства и представляя собой надежную налоговую базу, евреи были беспроблемной ставкой для европейских правителей, единственной несомненной и легкой добычей» (с. 189). Из увлекательной главы 15 мы приведем лишь две афористические формулировки Ч. Адамса, пригодные для характеристики всех веков, а не только Средних, и налогообложения всех народов, а не только евреев: «Плохие, но прибыльные налоги живучи» (с. 191) и «Если нет конкретных, четко оговоренных ограничений, налогообложение становится безудержным» (с. 192).

Рассмотрение Средних веков завершается главой 16, в которой описывается борьба за ограничение налоговых полномочий властей в Англии Высокого Средневековья. Автор обосновывает возникновение парламентского правления, прежде всего, как результат этой борьбы. А завершает описание сопоставлением средневековой Англии с современными Соединенными Штатами Америки: «После принятия Великой хартии вольностей английский механизм правления был основан на разделении полномочий, но не на таком разделении, за которое

столь рьяно выступают американцы. Король мог тратить деньги, но не мог самостоятельно вводить налоги; парламент мог их вводить, но не мог распоряжаться деньгами. Пока право вводить налоги и право их тратить были разделены, сохранялись и права англичан, и в особенности право не подвергаться грабительскому налогообложению. Сейчас принцип разделения властей означает нечто совершенно иное. Происходящий у нас стремительный и неконтролируемый рост налогов — это естественное следствие отказа от старинной английской практики. Мы живем в мире, где еще не принята Великая хартия вольностей, в мире, где нас — подобно подданным короля Иоанна — можно „ободрать налогами и поборами до самых костей“» (с. 210–211). Хорошим эпиграфом ко всей главе 16 послужило бы высказывание из ее середины: «Единодушное согласие — вещь труднодостижимая, особенно в вопросах налогообложения» (с. 207).

Любопытно начало части IV «Россия, Швейцария, Испания и Германия»: «История России много веков удивляла и озадачивала европейцев. Русских считали „непостижимыми славянами“, а их историю Уинстон Черчилль назвал „загадкой, которая окутана тайной внутри головоломки“. Однако если разобраться в налоговой истории России, головоломка уже не покажется неразрешимой. Русское политическое сознание формировалось под влиянием налоговой жестокости Золотой орды и ранних московских правителей. Петр Великий реорганизовал налоговую систему, которая много столетий мешала экономическому развитию, и вывел Россию на путь к статусу сверхдержавы. Он предоставил людям выбор: либо они платят подушный налог, либо идут на государственную службу. Когда коммунисты уничтожили прежние правящие классы, они просто отменили первый вариант» (с. 212).

Вся часть IV исключительно увлекательна, но показать это мы не можем, ибо для этого ее нужно начать читать (как только начнете читать, оторваться будет трудно). Поэтому приведем лишь одно сообщение автора: «Когда я изучал это дело [о налоговом мошенничестве. — *Е. М.*], один швейцарский прокурор сказал мне в конфиденциальной беседе: „Беда в том, что вы, американцы, из всего делаете преступление“», к которому добавим: как хорошо, что мы живем не в Америке!

Часть V под названием «Старый порядок» посвящена налоговым порядкам и проблемам Франции, приведшим к революции 1789 г. Первая из ее двух глав — глава 22 «Налоговая система дьявола». С объяснения такого названия эта глава и начинается: «Налоговая система, которая в итоге сформировалась на основе налоговых полномочий, полученных французской монархией во время Столетней войны, во всех отношениях была тем, чем хорошая система быть не должна. Один французский автор того периода сказал, что если бы сам дьявол взялся придумать, как погубить Францию, он не смог бы измыслить схему, более пригодную для этой цели, чем действующая система налогообложения. Эта система вносила максимальную порочность в отношения человека с человеком и человека с государством. Она представляла собой несомненное зло, но нельзя сказать, что она не имела параллелей в другие времена и в иных местах» (с. 277). И опять проводя параллель с США, автор продолжает: «Налоговая система старого порядка была ничуть не более уникальна, чем коррумпированность режима Никсона; просто ее можно считать очередной верхней планкой в плохом налогообложении. Она является поучительным примером того, сколько зла может принести плохое налогообложение...» (с. 277).

То, чему посвящена часть VI книги, ясно из названий этой части: «После Великой хартии вольностей» и ее глав: 24 «Почему королеву Елизавету I прозвали „доброй королевой Бесс“»; 25 «Налоги — причина гражданской войны

в Англии»; 26 «Парламент в поисках наилучшего налогообложения»; 27 «Упадок суперголландцев и подъем суперангличан»; 28 «Веское слово Просвещения по вопросам налогообложения».

Суть содержания этой части книги характеризуется первым абзацем ее введения: «Во времена Великой хартии вольностей в Англии прочно утвердился принцип верховенства Парламента в вопросах налогообложения. В последующие столетия налоговые баталии происходили уже не между королем и Парламентом, а между Парламентом и налогоплательщиками, поскольку возник третий фактор — согласие и одобрение налогоплательщиков... Согласие Парламента отнюдь не означало, что налогоплательщики тоже согласны» (с. 297).

И в этой части книги автор говорит то же, что неоднократно в разных формах говорит в других ее частях: «Если плохие налоговые законы и плохие административные законы приносят доход, они отмирают долго и трудно, если вообще отмирают» (с. 328). Примечательно, что это он говорит в главе с названием: «Парламент в поисках наилучшего налогообложения».

Впрочем, в той же главе, характеризуя поиск Англией приемлемой налоговой системы, Ч. Адамс пишет: «Англичане никогда не находили налога, который был бы справедлив для всех и приемлем для всего народа. Люди отвергали чрезмерные акцизы, налог на очаги, прогрессивный подушный налог и точный земельный налог. Во всех этих налогах их больше всего не устраивало вторжение в частную жизнь. Свобода означала неприкосновенность частной жизни, а неприкосновенность частной жизни означала, что дом человека, его крепость, не подлежит контролю королевских налоговых чиновников. Все эти формы налогообложения, будучи теоретически справедливыми, требовали жертвовать свободой, а этого англичане не могли потерпеть. В конечном итоге англичане остановились на полифункциональной налоговой системе, которая в целом выглядела справедливой» (с. 331). Результат поиска: «Если Голландию привела к упадку налоговая система, перенапрягавшая коммерцию и торговлю, то Англия стала сверхдержавой потому, что англичане научились управлять своей налоговой системой. Сейчас исследователи начинают осознавать, что превращение Англии из заурядного государства, каким она была в XVII в., в сверхдержаву XVIII—XX вв. было триумфом грамотной налоговой политики» (с. 339).

Заканчивается часть VI книги рассмотрением налоговых идей и идеалов эпохи Просвещения и их искажениями и печальной судьбой в последующем. В главе 28, этому посвященной, самая большая рубрика имеет название: «Самый опасный враг свободы: налоговый произвол» (с. 355), где, в частности, автор выступает за соразмерное (пропорциональное) налогообложение и против прогрессивного налогообложения, говоря: «Апологеты нашей системы „прогрессивного налогообложения“ утверждают, что главным принципом является не соразмерное распределение или равенство в налогообложении, а „способность платить“. Но способность платить — это никакой не принцип, а выдержка из формулы Карла Маркса „от каждого по способности“. <...> Прогрессивное налогообложение превратилось в самую губительную форму налогового произвола» (с. 362).

Судьбу идей эпохи Просвещения, как ее понимал Ч. Адамс, он выразил в заключительном абзаце главы 28: «И хотя на словах мы воздаем должное идеям Просвещения, на самом деле мы так и не добились ни ограничения полномочий государства, ни умеренного налогообложения (это вещи взаимосвязанные). Достаточно еще раз окинуть взглядом изложенные в этой главе советы, и мы убедимся: мы отвергли почти все, что они предлагают. Четыре свойства плохой налоговой системы, о которых уведомил нас Адам Смит, до сих пор в полной мере

присущи нашей системе. Мало того, мы даже усилили их добавочными изъятиями, о которых нас предупреждали другие умные люди» (с. 368).

О чем говорится в части VII, ясно из ее названия: «Тернистый путь американского налогообложения в ранний период» (с. 369). Все содержание этой части пронизано сопоставлениями решений в области налоговой политики в период американской истории до начала гражданской войны между Югом и Севером и в XX в. Позиция автора здесь та же, что и в предыдущих частях книги: «Первым средством сдерживания чрезмерного налогообложения должно было стать ограничение полномочий Конгресса в области государственных расходов. Нет сомнения, что плохие налоги — это плод слишком больших расходов. Контролируйте расходы, и налоги будут контролироваться автоматически. <...> ...Контролируя государственные расходы, вы контролируете налоги и не позволяете федеральному правительству стать всемогущим национальным правительством. Разумеется, эти соображения канули в лету. Сегодня ни принцип единообразия, ни принцип ограничения расходов не имеют решительно никакого значения» (с. 399).

В этой части книги приведено много малоизвестных, можно сказать, неожиданных фактов налоговой истории указанного периода, но более всего их в последней главе части с названием «Причина гражданской войны — не рабство, а налоги?», в которой автор не задается этим вопросом, а отвечает на него категорическим «да». Он пишет: «Главный тезис данной главы таков: налоги оказались самым значимым фактором для обеих сторон» (с. 427).

Но почему общеизвестным фактором является совсем другой? Ч. Адамс на это отвечает так: «Налоговая подоплата Гражданской войны далеко не столь привлекательна, как борьба против рабства. Ни одна сторона не имела в этой войне возвышенных целей. Благородные соображения, приведенные обеими сторонами как причины их вступления в борьбу, напоминают одну из тех высокопарных отговорок, к которым нередко прибегают сверхдержавы, когда хотят прикрыть свои империалистические намерения. Суть же в том, что Север начал войну отнюдь не ради освобождения рабов, а Юг отделился вовсе не потому, что в Белом Доме сидел, готовясь спустить курок, бескорыстный борец с рабством» (с. 423–424).

Последняя часть книги — часть VIII «Монстр, который снес золотое яйцо» полностью посвящена тому, что до этого встречалось лишь в отдельных местах книги, — критике современных налоговых политик, более всего — критике налоговой политики Соединенных Штатов Америки, но не только их.

Под монстром в названии части VIII подразумевается подоходный налог (с. 429). Описывая его достоинства и акцентируя его недостатки, Ч. Адамс отмечает, что «подоходный налог в том виде, в каком он сформировался, ставит цивилизацию перед великим множеством вопросов и трудностей. Будущее наших личных свобод и даже самой нашей цивилизации, вероятно, будет зависеть в большей мере от того, как мы справимся с этими трудностями, а не чего-либо другого» (с. 430); «...Самым очевидным недостатком подоходного налога является свойственная ему тенденция к чрезмерному налогообложению» (с. 431).

Один из выводов Ч. Адамса по части VI книги гласит: «Английский опыт подтверждает правильность того банального вывода, что почти любой налог можно удержать в рамках экономического здравого смысла. Проблема в другом: хорошие налоги имеют свойство становиться плохими, поскольку правительства требуют слишком много налогов» (с. 340–341). Не ссылаясь на это, Ч. Адамс возвращается к этой проблеме в части VIII: «...Налоговые законы, которые обеспечивают большие поступления в бюджет, имеют тенденцию становиться абсурдными» (с. 452). И выделяет под эту проблему отдельную главу 34 «Как хороший налог становится

дурным», в первом абзаце которой пишет: «Подобно грязному производству, нашей налоговой системой мы отравляем общественный строй. Мы стремимся к обществу, в котором изобилуют равенство, порядочность и свобода, но подоходный налог толкает нас в противоположном направлении. Вместо равенства у нас неравенство, намеренно и осознанно пестуемое. Вместо порядочности у нас мошенничество. Вместо свободы у нас слежка и расследования тоталитарного образца. Иными словами, подоходный налог — „грязный“ налог, и чем больше мы получили за счет него, тем грязнее он стал. Мы привязаны к нему, потому что мы не уделили времени ни тому, чтобы его „очистить“, ни тому, чтобы создать нечто лучшее» (с. 463).

Из книги очевидно, что ее автор — противник прямого налогообложения и сторонник косвенного.

Характерно название одной из рубрик внутри главы 34: «Наша налоговая система — островок тирании в свободном обществе» (с. 477). Там же интересна рубрика «Мы запугивали налогоплательщиков жестоким наказанием» (с. 479), в которой автор осуждает чрезмерную жестокость наказания за налоговые правонарушения и приводит пример, когда 1988 г. в Канзасе приговорили женщину к 30-летнему тюремному заключению за уклонение от налогов на 1 млн долларов (с. 482).

Как мы уже не раз отмечали, для Ч. Адамса вообще характерно критическое отношение к налоговой системе США. В части VIII оно особенно резкое. Он пишет, например: «Историкам будущего будет легко обнаружить, что законы, обеспечивающие работу налоговой системы, разрушили нашу финансовую конфиденциальность» (с. 484) (но вместе с тем признает, что «шпионаж со стороны налоговых органов процветает в большей части западного мира» (с. 484)). И доходит до заявления: «Наш будущий историк будет часто сталкиваться с тем, что федеральную налоговую службу называют гестапо» (с. 487).

Глава 35 «Ловкий плут: уклонение и „оптимизация“» части VIII посвящена проблематике уклонения от уплаты налогов. Отмечая, что «уклонение от налогов, вероятно, древнейшая профессия, несмотря на заявления куртизанок» и что «вероятно, не бывает налогов, от которых бы не уклонялись» (с. 491), автор вместе с тем утверждает, что «в общем и целом широкое распространение уклонения от налогов служит верным признаком того, что налоговая система государства устроена дурно. Люди будут платить налоги, даже подоходные, если их ставки разумны» (с. 495).

Интересное сопоставление достоинств и недостатков налоговой системы (с перевесом комплиментов достоинствам) представлено в главе 37 «„Экономические чудеса“: взлет и падение» для Японии, налоговую службу которой автор вначале представляет: «Японская налоговая служба... известна как самая лютая в современном мире» (с. 524), но заканчивает с Японией в своей обычной манере: «Поскольку самому последнему японскому финансовому руководству, по-видимому, недостает мозгов, разгневанное население могло бы вернуть их к недавним и древним корням налогового здравомыслия» (с. 529). В этой же главе критикуется налоговое законодательство современного Израиля.

В главе 38 «Для чего предназначены конституции» автор возвращается к критике законодателей налоговой политики США и пишет, в частности: «Многие конституции штатов по-прежнему действуют и активно защищают налогоплательщиков. На федеральном же уровне в сфере конституционного налогового контроля все изменилось: главенствовавший в XIX в. принцип равенства налогов уступил место принципу XX в., согласно которому налоги могут быть настолько неравными, как того пожелает Конгресс, — сколь угодно абсурдными, несправедливыми,

губительными, жестокими, такими безобразными и ужасными, на какие хватит фантазии законодателей» (с. 544). Досталось от автора и судьям, о которых он пишет: «Наша федеральная Конституция, как мы убедились, ничем нам не поможет, хотя и была нацелена на защиту налогоплательщиков. В наши дни Верховный суд, сталкиваясь с конституционными налоговыми проблемами, ведет себя как Понтий Пилат, который „взял воды и умыл руки перед народом“. Налогоплательщики не найдут союзников в высшем суде, а рассмотрение налоговых дел редко бывает честной игрой. Кое-какую защиту против безжалостного произвола налоговой администрации мы получаем разве что от прессы и общественного мнения. Нас не защищает закон, а наши конгрессмены больше думают о том, как ублажить налогоплательщиков, которые дают им масло на хлеб, чем о том, как облегчить положение налогоплательщиков, которые это масло производят» (с. 560–561).

Заканчивая часть VIII главой 41 «Полурабство и полусвобода», автор в конце последней пишет: «Сейчас те американцы, которые не хотят спастись от налогов бегством, могут уйти в современное подполье XX в. — в теневую экономику. Если они попадают, как беглые рабы с Юга, их наказывают и возвращают в рабство у налогоплательщиков» (с. 604). Остается только посочувствовать американцам.

Эпилог книги автор начинает с констатации и предостережения: «В первую очередь я хочу упомянуть тот очевидный факт, что все хорошие налоговые системы имеют свойство становиться плохими. Государства не способны — если только народ не заставит их какими-нибудь эффективными мерами — жить с хорошо работающей, умеренной налоговой системой. Все государства имеют склонность становиться мотами. Подобно легкомысленным потребителям, они сообразуют траты со своими аппетитами, а не с размерами своего кошелька. История свидетельствует, что лучшее средство от мотовства — отделение права тратить от права облагать налогом» (с. 605).

Недостатков в книге мало. Заслуживает упоминания только определенный «налоговый редуционизм» истории цивилизации, от которого автор старался отмежеваться (об этом см. выше), но его увлеченность исследуемой проблемой не позволила ему избежать этого в полной мере, как не удалось, впрочем, избежать подобного, например М. Веберу в «Протестантской этике и духе капитализма» или О. Шпенглеру в «Закате Европы». Пожалуй, лучше всех о высокой ценности подобных книг, написанных страстно, увлеченно, сказал историк, профессор и ректор Берлинского университета Э. Майер, отзыв которого об О. Шпенглере приведен К. А. Свасьяном (*Свасьян К. А. Освальд Шпенглер и его рекем по Западу // Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность / пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. М., 1993. С. 82*). Поэтому на мелкие технические описки в переводе книги Ч. Адамса мы указывать не будем.

В заключение несколько слов об авторе книги. Сведений о нем в Интернете мало. Родился в 1930 г., закончил частный Whittier College (Калифорния) и University of California, Los Angeles (Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе, высокие места в рейтингах университетов США и мира), был сертифицированным специалистом по налоговому праву и международному налогообложению, налоговым адвокатом, много публиковался на темы налогов и их влияния на цивилизацию, в том числе в *New York Times*, *Washington Post*, *Wall Street Journal*, помимо выше-рассмотренной написал книги «*Those Dirty Rotten Taxes: The Tax Revolts that Built America*», «*Fight, Flight, Fraud: The Story of Taxation*», был adjunct scholar в The Mises Institute (Ludwig von Mises Institute for Austrian Economics, Алабама) и в The Cato

Institute (Институт Катона, Вашингтон), умер в 2013 г. Первое издание оригинала рецензируемой книги вышло в 1993 г., второе — в 1999 г.

Е. Ф. Мосин,
адвокат, канд. техн. наук
Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России

Исторические судьбы учения Дж. М. Кейнса / под ред. Р. М. Нуреева, Ю. В. Латова. М.: Кнорус, 2019. 266 с.

Книги подобного жанра всегда обречены на успех. С одной стороны, для их чтения не нужны глубокие познания в экономической теории, и они могут заинтересовать любого человека. С другой стороны, профессионалы также имеют шанс обнаружить в них малоизвестные факты и найти, о чем поспорить в предложенных выводах и исторических параллелях. На Западе такая литература издается с давних пор, российские экономисты только осваивают эту нишу, и на примере рецензируемой книги заметим, что не без успеха.

Сочинения в этом жанре обязывают ко многому. Проследить историческую судьбу любой научной концепции всегда непросто. Она формируется в определенных социальных и исторических реалиях, проходит определенные этапы своего развития, приобретает сторонников, последователей и оппонентов. Все это требует большой точности в изложении материала, поскольку важно донести подлинную суть теории до неподготовленного читателя. Такая работа не должна быть подобна известному научному труду одного из членов нашего правительства, в котором вместо анализа фактов содержатся объяснения того, как все было «на самом деле». Именно с этих позиций представляется уместным выявить достоинства и недостатки данной книги.

Авторы справедливо отмечают, что только две теории — кейнсианство и марксизм названы в честь их основателей. На наш взгляд, это свидетельствует не только о больших заслугах данных теоретиков, но и о том, что эти концепции появились только в работах К. Маркса и Дж. М. Кейнса, соответственно. Если классическая школа, маржинализм и многие другие научные парадигмы формировались на протяжении десятилетий и даже столетий, то марксизм и кейнсианство возникают сразу после опубликования крупнейших работ их основателей. Однако это не означает, что у этих теорий не было предпосылок для возникновения. С момента формирования капитализма в центре внимания ученых был вопрос о гармоничности системы, о ее способности восстанавливаться после кризисов. Представители классической школы (в первую очередь Д. Рикардо) считали, что капитализм гармоничен и придерживались двухклассовой теории распределения. Вместе с тем, начиная с физиократов, развивалась трехклассовая теория распределения, которая исходила из необходимости внешней балансировки капиталистической системы. Третья сила, в качестве которой чаще всего рассматривались лэндлорды, должна была иметь доходы, не связанные с капиталистической экономикой и предъявлять спрос на товары, препятствуя развитию кризисов. В первой половине XIX в. обе эти теории сосуществовали — мейнстримом считалась двухклассовая теория, но в периоды кризисов интерес к трехклассовому подходу возрастал.

Однако никто до К. Маркса не делал категорических выводов о нежизнеспособности капитализма. Только он пришел к заключению, что капитализм как экономическая система обречен в силу внутренних противоречий системы. Основу для этого вывода все же надо искать не в «противоречиях системы», а в тех

значительных социальных изменениях, которые наблюдал Маркс: формирование многочисленного фабрично-заводского пролетариата, тяжелые условия их жизни и труда. Марксизм не стал мейнстримом в экономической теории, но он приобрел значительное число сторонников и привлек внимание к социальным проблемам капиталистического общества, к поискам их решения. В результате теория Маркса существенно способствовала повышению жизнеспособности капитализма, нахождению социального компромисса между капиталистами и рабочими.

Судьба кейнсианства во многом схожа с марксизмом. При жизни Кейнса капиталистическая система подверглась невиданным ранее испытаниям. Первая мировая война стала тяжелейшей ношей для всех воюющих государств. Послевоенный отказ от золотого стандарта привел к нестабильности финансовой системы. Последовавшая за этим Великая депрессия способствовала росту популярности социалистических идей, а также формированию корпоративистских государств. Все это заставило вновь обратиться к вопросу о гармоничности капитализма, его способности к восстановлению равновесия. Кейнс (очевидно, под влиянием успехов «Нового курса» Рузвельта) делает однозначный вывод о неспособности капиталистической системы к саморегулированию и обосновывает активное участие государства в экономике. Кейнсианство, ненадолго ставшее мейнстримом, оказало такое же благотворное влияние на капитализм, как и марксизм. Если после появления теории Маркса был постепенно найден баланс интересов основных общественных классов, то после Кейнса никто не ставит под сомнение, что именно государство является той третьей силой, которая способна сбалансировать капиталистическую экономику.

Рецензируемая книга разделена на шесть разделов, каждый из которых посвящен различным аспектам кейнсианской теории. В первой части книги проанализированы взгляды Кейнса на основные проблемы современной ему экономики, в частности, реализацию «Нового курса» и создание Бреттон-Вудской системы. Вторая часть посвящена судьбе его работ в России. Отметим, что Кейнсу повезло, поскольку на его работы ссылался в своих трудах В. И. Ленин, то практически все его основные произведения были изданы в Советском Союзе в 1920–1930-х гг. Безусловно, представляет интерес глава, посвященная вкладу Кейнса в создание финансовой системы Северной области во время Гражданской войны. Это прекрасная иллюстрация чисто английского подхода к проблеме — вместо реальной военной помощи выстраивать денежную систему по примеру собственных колоний.

Третья часть книги «Кейнсианская революция» включает в себя эссе о главном труде Кейнса «Общая теория занятости процента и денег», а также о последователях этой новой теории. На наш взгляд, данный раздел содержит ряд существенных неточностей. В первую очередь не вполне ясна позиция авторов в отношении наиболее известных интерпретаций кейнсианской теории, в частности, широко известной модели *IS-LM*, предложенной Дж. Хиксом. Далеко не все кейнсианцы считают эту модель адекватно отражающей основные идеи «Общей теории». В статье о последователях Кейнса также допущены фактические ошибки, например — в число направлений развития кейнсианства по какой-то причине попала теория П. Сраффы, хотя никаких логических оснований для этого нет. Наверное, более уместно говорить о неоклассическом синтезе, возникшем практически сразу после выхода в свет главной работы Кейнса (знаменитой школы MIT и группы кембриджских экономистов (кембриджская школа)), которые пошли по пути сочетания кейнсианского понятийного аппарата с идеями классической политэкономии. Эти направления развивались параллельно вплоть до появления книги Сраффы «Производство товаров посредством товаров», которая является одним

из лучших примеров совсем «высокой теории», за исключением убедительного доказательства теоретической возможности переключения методов производства, что и привело к оживленной теоретической дискуссии «двух Кембриджей» в 60-е гг. XX в. (reswitching debate). Это обогатило наше понимание технического прогресса, но к Кейнсу не имеет прямого, да и, пожалуй, косвенного отношения.

Четвертый раздел посвящен посткейнсианскому направлению экономической теории и содержит краткое изложение взглядов не самых известных в России ученых — М. Калецкого, Х. Мински и П. Дэвидсона. Эта часть книги производит весьма благоприятное впечатление за исключением определения М. Калецкого как «запасного Кейнса». Основные и запасные игроки есть в футболе, но не в науке. Тем более что современные экономисты нередко предпочитают цитировать Калецкого, минуя Кейнса. М. Калецкий завоевал признание и популярность во многом благодаря публикации своих трудов как на польском, так и на английском и французском языках. Для экономической науки сегодня публикации на английском стали необходимым атрибутом мирового признания — если вы не пишете на английском языке, то вас не существует. Подтверждением этого вывода может служить явно запоздавшее обращение к работам таких ученых, как К. Виксель и В. Борткевич, писавших на немецком. При рассмотрении человеческого поведения на финансовых рынках не мешало бы упомянуть о новых финансовых технологиях, предъявляющих свои требования к поведенческим характеристикам.

Две последние части рецензируемой книги удались наименее всего. Пятый раздел содержит путаное объяснение того, что в современной экономике фискальная политика по-прежнему является важным инструментом регулирования (это и так вполне очевидно). В шестой части делается попытка увязать кейнсианскую теорию с современными российскими реалиями, которая достигает полной кульминации в главе 19 «Кризис российской экономики: необходимость поиска адекватных решений», в которой мы обнаружим массу «полезных» рекомендаций — вложить деньги в инфраструктуру и человеческий капитал, отказаться от экспортной модели, перенять опыт «Нового курса» и т. д. Подобные вещи приходится достаточно часто читать и слышать, причем каждый раз поражает, что авторы полностью игнорируют тот факт, что Кейнс анализировал развитую капиталистическую экономику, в которой есть неприкосновенность частной собственности, сбережения имеют все шансы трансформироваться в инвестиции, а все экономические и политические субъекты несут ответственность за последствия принимаемых решений. Если бы Кейнс попытался анализировать современную российскую экономику, он бы повторил судьбу генерала Ноги. Экономическое развитие невозможно без соответствующего человеческого капитала, но чтобы он появился и был востребован, необходимо гарантировать безусловное соблюдение основных прав и свобод. Новые дороги, мосты, плотины и накачивание деньгами образования и здравоохранения ни к чему не приведут, ну разве что к еще большей коррупции.

На наш взгляд, книга в целом удалась. Некоторая легковесность является следствием жанра, отсутствие цельности также объяснимо, поскольку над книгой работал большой коллектив авторов (19 ученых Москвы и Санкт-Петербурга). Ошибки и неточности в любой коллективной работе почти неизбежны. Автор этих строк прочитал данную монографию, перемещаясь между «двумя столицами», и ответственно заявляет, что интерес к чтению не прерывался ни на минуту.

В. В. Быков,

канд. экон. наук,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет